

ТАЦИТ И ЖАНР ПАРНЫХ РЕЧЕЙ ПОЛКОВОДЦЕВ В АНТИЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Предлагаемое ниже исследование как-то само собою выросло из текстологического анализа одного испорченного тацитовского пассажа. Много ранее и на совсем другом материале автору уже довелось убедиться в том, что так называемые *crucis*, помимо всего прочего, в сущности требуют пристального изучения одного-двух вопросов грамматико-стилистического характера¹. Настоящий случай вполне подтверждает это самоочевидное положение.

*Agr. 31, 3—4: tandem sumite animum, tam quibus salus quam quibus gloria carissima est. Brigantes femina duce exurere coloniam, expugnare castra, ac nisi felicitas in socordiam vertisset, exuere iugum potuere: nos integri et indomiti et in libertatem non in paenitentiam + laturo, primo statim congressu ostendamus, quos sibi Caledonia viros seposuerit*².

Это место из речи вождя каледонцев Калгака, будто бы произнесенной перед решающим сражением с войсками, предводительствуемыми Агриколой (аналогичное обращение римского полководца к солдатам в гл. 33—34 тоже, конечно, написано самим Тацитом), впервые привлекло наше внимание любопытным упоминанием участия бригантов в восстании британцев под предводительством Боудики в 61 г. н. э. В подробном описании восстания в *Ann. XIV, 31—39* ничего не говорится о тогда еще свободных бригантах, самом могущественном племени на территории нынешней Северной Англии, но мы попытались доказать, что их неожиданное появление в речи каледонского вождя нельзя приписать одной лишь риторике: напротив, этот факт, как и чуть дальше ссылку на волнения в британских муниципиях (гл. 32, 3), равным образом отвергаемую историками, по целому ряду соображений следует считать вполне достоверными³. Перечитывая снова и снова оба пассажа, мы не могли не заинтересоваться крестом перед *laturo*. Приго имые в аппарате и комментарии конъектуры не казались убедительными: их авторы не предполагали здесь значительной порчи текста, стремясь: либо а) дополнить непонятное причастие, либо б) заменить его другим словом⁴, в то время как нам в конце концов стало ясно, что лакуна перед, вероятно, подлинным *Part. Fut. Act.* должна была заключать не менее 8—10 слов: конец одного предложения и начало следующего, т. е. выпавшую при переписи

¹ См. Черняк А. Б. Древнейшие французские тексты как источник лингвистического исследования: Автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филол. наук. Л. 1971, с. 8. К сказанному можно добавить, что, если искажению подверглось только одно слово, решение следует искать в начальной букве: все прочие варианты обычно уже рассматривались ранее.

² Цит. по изд.: *Cornelii Taciti de vita Agricolae*. Ed. by R. M. Ogilvie and I. Richmond. Oxf., 1967.

³ См. Черняк А. Б. Тацит и Британия. I. К вопросу об исторической достоверности двух свидетельств о восстании Боудики (*Agr. 31, 4; Ann. XIV, 31, 1*).— В сб.: *Античный мир и археология*. Саратов, 1983, вып. 5 (в печати), а также его сообщение «Муниципии в Британии при Флавиях?» (*Tac., Agr. 32, 3*), прочитанное в октябре 1978 г. на Всесоюзной конференции историков-античников «Полис и хора», организованной кафедрой древней истории исторического факультета ЛГУ.

⁴ Задача критиков осложнялась еще и тем, что до открытия в начале нашего столетия в библиотеке графа Баллеани в Ези (пров. Марке, Италия) авторитетнейшей каролингской рукописи им приходилось серьезно считаться с вариантами гуманистических списков и инкунабул: *et (in) lib. non in praesentia(m) laturo*, см. *Cornelii Taciti opera*. Rec. A. Ruperti. T. IV. Hannoverae, 1832, p. 292—293. К упомянутым Огилви: а) *nos* (R. Meister), *arma* (Wex), *rem* (Tucker) и б) *ituro* (Breithaupt), *laboraturo* (Wex), *vindicaturo* (Halm), *aemulaturo* (Borleffs), *certaturo* (Brotier), *periclitaturo* (Gronovius), *bellaturo* (Koch), *nati* (Muretus), *educati* (Ogilvie) можно теперь прибавить: *non in roenam certaturo* (Wellesley.— JRS, 1969, 59, p. 266) и *iurati* (Delz.— MH, 1970, 27, p. 236—237).

сывании строку⁵. Обоснованию этой догадки и исследованию связанных с нею вопросов и посвящен предлагаемый ниже этюд.

Несколько слов о композиции речи Калгака. Она построена по всем правилам ораторского искусства, которым Тацит, бывший, как известно, одним из самых выдающихся ораторов своего времени, владел в несравненном совершенстве. Уже с первых слов введения (prooemium) Калгак предсказывает своим соплеменникам победу: они, единственные свободные британцы, наконец-то собрались все вместе, и у них нет другого выхода, кроме как сражаться до конца, потому что на суше и даже на море господствуют враги. Эти доводы энергично развиваются в основной части (tractatio): каледонцы защищают свою свободу от грядущих унижений и поборов (aequum); в случае порабощения их участь будет самой тяжелой, так как они склонятся последними и так как они самые бедные и самые мужественные; а ведь их соседям британтам едва не удалось сбросить иго римлян, хоть ими и предводительствовала женщина (dignum); доблесть римлян в бою уступает их распутству по наступлении так называемого «мира», и сильны они нашими раздорами, а не своими войсками, в которых служат те же кельты и германцы (tutum); мы легко победим их в нашей собственной стране, и вся покоренная Британия восстанет против них (facile); в наших руках оружие, а ждет нас рабство; наши предки были свободными, позаботимся же о наших детях (conclusio).

Предлагаемое здесь членение tractatio на четыре части⁶ не является строго обязательным: Огилви, например, усматривает здесь только две: dignum и tutum⁷. Важно отметить, что в обоих случаях испорченный пассаж окажется в конце dignum и 31-й главы, т. е. перед длительной паузой. Именно на этом обстоятельстве и основывается наше дальнейшее рассуждение.

Дело в том, что при теперешнем прочтении последняя фраза гл. 31 оказывается слишком длинной. В этом легко убедиться, подсчитав среднюю длину предложений и концовок, т. е. предложений, помещающихся непосредственно перед паузой, в обеих речах и сравнив результаты с аналогичным анализом двух других пар речей — единственных словесных состязаний полководцев, известных в латинской исторической прозе, помимо «Агриколы»: обращения к войскам Сципиона Старшего и Ганнибала перед сражением при Тицине в 21-й книге Ливия и свидание Ганнибала и Сципиона Африканского перед битвой при Заме в 30-й.

Автор и сочинение	Номер книги и главы	Имя говорящего	Число слов речи	Число слов в предложении	Среднее число слов в предложении	Число слов в концовках	Среднее число слов в концовках
Liv.	XXI 40—41	Сципион Старший	718	21	34,2	29, 55	42
	43—44	Ганнибал	644	34	19,2	12, (20) ⁸ , 25	19
	XXX 30	Ганнибал	742	32	23,2	32	
	31	Сципион Африканский	239	6	39,5	40	
Tacit., Agr.	30—32	Калгак	563	23	24,5	12, 36, 10	19
	33—34	Агрикола	303	13	23	25, 21	23

Анализ этой таблицы обнаруживает ряд любопытных фактов. Победители говорят меньше, чем побежденные, но они говорят последними — писатели словно заранее предвосхищают исход сражения. В речах обоих

⁵ Или две и более, если принять гипотезу Ж. Перре, согласно которой позднеантичный архетип «Агриколы» был написан унциалом и содержал 13 букв в строке; см. *Perret J. Recherches sur le texte de la Germanie*. P., 1950, p. 76 suiv. См. еще в этой связи: *Shaps D. The Found and Lost Mss. of Tacitus' «Agricola»*. — CP, 1979, t. 74, № 1, p. 28—42, где доказывается, что *codex Aesinas* ≠ *Hersfeldensis*.

⁶ См. *Ullmann R. La technique des discours dans Salluste, Tite Live et Tacite*. Oslo, 1927, p. 199—202.

⁷ См. *Cornelii Taciti de vita Agricolae*, p. 254.

⁸ Скобки указывают на то, что традиционно принимаемый абзац в середине гл. 43 отвергается некоторыми издателями.

Сципионов у Ливия поражает средняя длина фразы (одно из предложений Сципиона Старшего простирается на 94 слова!) ⁹ и тяжелые, массивные концовки: римская *gravitas* и *ingenium* пунийского вождя выступают в этом противопоставлении с особенной отчетливостью, как бы донося до читателя ощущение столкновения тяжелой пехоты римлян с нумидийской кавалерией карфагенян. В этом плане речь Агриколы не является типично «римской» — Тацит, вероятно, хотел избежать прямого подражания Ливию и заодно подчеркнуть скромность своего знаменитого тестя; но несколько уступая речи противника в длине фразы, она отличается более мощными концовками. Тем самым цифра 36 среди концовок периодов в речи Калгака уже сама по себе выглядит несколько подозрительной.

Конечно, одних подозрений мало для того, чтобы править текст. Он, однако, не безупречен и в отношении грамматики. Синтаксически рассматриваемая фраза классифицируется как разновидность паратаксиса, так называемый *asyndeton adversativum* ¹⁰, но с совершенно невозможным образом пристегнутым *conjunctivus adhortativus*: такого резкого перехода *dignum* к побуждению (*πρότροπή*) не знает, пожалуй, вся античная литература. Не случайно старые издатели, например Руперти, ставили точку перед *nos*, и этой практике и сейчас молчаливо следуют почти все переводчики, за исключением разве что Р. Тилла, предпочитающего делать паузу после *laturi* ¹¹. Вопрос, таким образом, сводится к тому, как лучше перенести это интуитивно верное чувство каденции непосредственно на текст, другими словами, где нужно ставить точку?

Но, может быть, не точку, а знак вопроса? Вот несколько примеров из Саллюстия, очень любимого подобные антитезы ¹²: *Bell. Jug. 31, 11: servi aere parati iniusta imperia dominorum non perferunt; vos, Quirites, in imperio nati aequo animo servitutem toleratis? ibid., 17: maiores vestri parandi iuris et maiestatis constituendae gratia his per secessionem armati Aventinum occupavere: vos pro libertate, quam ab illis accepistis, nonne summa ore nitimini?* ¹³ Именно этими аналогиями скорее всего следует руководствоваться при восстановлении тацитовского текста, тем более что исследователи отмечают несомненное влияние Саллюстия на речь Калгака в «Агриколе» (и соответственно Ливия на речь Агриколы) ¹⁴. Например: ... *nos integri et indomiti et in libertatem non in paenitentiam [accincti unius proelii casum patiemur? immo adversam potius fortunam quam ignominiam! latūri primo statim congressu ostendamus, quos sibi Caledonia viros seposuerit. — «... А мы, нетронутые, непокоренные и поднявшие оружие за свободу, а не из раскаяния (имеется в виду восстание Боудики. — А. Ч.), примиримся с неудачей одного сражения? Нет, примем лучше злой рок, чем позор, и в первой же схватке покажем, каких сохранила для себя мужей Каледония». Калгак мог бы и не упоминать о неудаче предшествующего года, чтобы не ослабить боевого духа воинов (Тибериус в свое время порицал Германика за погребение павших с Варом в Тевтобургском лесу перед решающим сражением — *Ann. I, 62, 2*), и говорить так: ... *in libertatem non in paenitentiam [bellaturi honorem ac vitam ipsam per formidinem amittemus? (или, может быть: ... ipsam nonne ferro**

⁹ *Liv.*, 21, 41, 6: *Experiri iuvat etc.*

¹⁰ *Draeger A.* Ueber Syntax und Still des Tacitus. 3. Aufl. Lpz, 1892, § 137b; *Hofmann J.* *Szantyr A.* Lateinische Syntax und Stilistik. München, 1965, S. 830, 4.

¹¹ См. *Tacitus.* Das Leben des Iulius Agricola. Lat. und deutsch von R. Till. B., 1961, S. 43.

¹² *Hofmann, Szantyr.* Lateinische Syntax..., S. 727.

¹³ Ср. еще *Cic.*, *Pro Arch.* 8 (18, 19), 9 (19), 10 (22) и *Sall.*, *Cat. coni.* 20, 8: *itaque omnis gratia potentia honos divitiae apud illos sunt aut ubi illi volunt; nobis reliquere pericula repulsas iudicia egestatem. quae quo usque tandem patiemini, o fortissimi viri?* где, по-видимому, предпочтительнее разделить оба предложения не точкой, а запятой.

¹⁴ См. *Martin R. H.* Tacitus and His Predecessors. — In: *Dorey T. A.* (ed.) *Tacitus.* L., 1969, p. 130; *Goodyear F. R. D.* Tacitus (Greece and Rome. New Surveys in the Classics, 4). L., 1970, p. 5.

armisque defendemūs?). nunc demum ignominiam turpis morae ultra non] laturi etc. Относительно «accincti in» ср. Dial. 16: in contrarium accingi; Hist. III, 35: in auxilium a.; 66: in audaciam a.; Огилви указывает на Liv., XXIV, 2, 4: in libertatem pugnaretur. Аллитерация в первом варианте, разумеется, не случайна¹⁵. В части метрики использованы наблюдения Э. Андреони¹⁶.

Излишне напоминать о том, что приведенные здесь *exempli gratia* варианты никак не претендуют восстановить невозстановимое. Конечно, очень желательно было бы придумать что-нибудь более или менее достойное такого писателя, как Тацит, но пока даже скромный предварительный результат: концовка второго периода примерно в 16—18 слов вместо прежних 36 нуждается в серьезном обосновании в отношении как теории, так и практики античного красноречия.

Надо признаться, что здесь нам довелось встретиться со значительными трудностями.

Во-первых, — проблема абзаца. Древние авторы обычно делили свои книги — libri на главы — capita, ср. Suet, Claud 3, 2¹⁷, и это деление более или менее сохраняется в античных рукописях и надписях¹⁸. Однако в средние века эта традиция была почти полностью утрачена, и современное членение «Агриколы», как и всего прочего тацитовского текста, на главы есть в сущности условность, принятая в сравнительно недавнее время (мы ею обязаны франкфуртскому изданию 1607 г., подготовленному Яном Грутером (Janus Gruterus),¹⁹ и не имеющая какой-либо опоры в рукописях. Еще произвольнее промежуточные паузы: если В. Вейсенборн в своем комментированном издании Ливия (Берлин, 1858) начинает XXI, 43, 11 с красной строки (см. выше, прим. 9), то О. Рима и Е. Бегуа (Paris, Hachette, s. a.) предпочитают делать абзац в речи Сципиона перед 41, 10 (Itaque vos ego, militum etc.), игнорируя в гл. 43 интерпункцию немецкого издателя, в то время как Ф. Зелинский (Царское Село, 1892) в речи Сципиона выделяет промежуточные абзацы перед 40,5 и 41,14, а в речи Ганнибала перед 43, 3, 43, 11 и 44, 8, оставляя начало гл. 44 внутри абзаца. В изданиях греческих историков не практикуется даже выделение глав (номера их помещаются не в тексте, а сбоку, на полях), так что насчитывающая 500 слов речь Никия у Фукидида (VII, 61—65) в издании К. Гуде (Лейпциг, 1901) вообще не имеет пауз. Таким образом, при сравнении речей более или менее бесспорным будет лишь количество слов в последнем предложении — все промежуточные концовки, в том числе и рассматриваемый здесь пассаж из речи Калгака, оканчиваются на совести издателей²⁰.

Древние риторики не оперировали предложениями, хотя Дионисий Фракийец (около 100 г. до н. э.) впервые установил это понятие, а Донат и Присциан (IV в. н. э.) передали определение и термин (*oratio*, ср. исп.

¹⁵ Об аллитерации у Тацита см. The Annals of Tacitus. Books 1—6, v. I; Annals I. 1—54. Ed. F. R. D. Goodyear. Camb., 1972, Appendix 3: «Some remarks on alliteration in T.», p. 336—341.

¹⁶ См. Andreoni E. Le clauseole nei discorsi dell' «Agricola», delle «Historiae» e degli «Annales». — Rivista di cultura classica e medioevale, t. X, 1968, № 3, p. 300—321.

¹⁷ См. Oxford Latin Dictionary, f. II. Oxf., 1969, s. v. *caput* 16—17.

¹⁸ См. Müller R. W. Rhetorische und syntaktische Interpunktion Untersuchung zur Pausenbestimmung im antiken Latein. Inaug.—Diss. Tübingen, 1964, S. 13—21, 60 ff. См. еще: Wingo E. O. Latin Punctuation in Classical Age. The Hague, 1972; Parkes M. B. Punctuation, or Pause and Effect.— In: Mediaeval Eloquence. Ed. J. J. Morphy. Berkeley, 1978, p. 127—144.

¹⁹ См. Cornelli Taciti opera omnia. Rec. G. A. Ruperti. V. I. Hannoverae, 1834, p. CXIX. В последнее время швейцарский филолог Г. Фукс в этом пункте существенно отошел от традиции (см. Tacitus. Annalium ab excessu Divi Augusti qui supersunt, v. I: Libri XI—XVI. Ed. H. Fuchs. Frauenfeld, 1949; v. II, 2 ed., 1973).

²⁰ Без абзацев, т. е. по греческому образцу, печатает обе речи из «Агриколы» Фр. Зейлер (Cornelius Tacitus. Germania und Agricola. Für den Schulgebrauch bearb. u. erkl. von Fr. Seiler. Bielefeld u. Lpz, 1895).

огасión) ренессансным, а через них и современным грамматикам²¹. Деметрий, живший в I в. н. э. (?), все еще пользуется традиционным термином «колон» (κῶλον, дословно член, member), который он понимает как речевой отрезок, обозначающий или целую мысль, или некую законченную ее часть (Дем., 1—2)²². Для нас особенно важно, что он различает колоны по их размерам, выделяя длинные и короткие, а также совсем маленькие — коммы²³ (Дем., 9). Он знает, что величавость стиля достигается длинными колонами²⁴, которые, напротив, будут неуместными в стиле простом или скудном (ισχνός, genus tenue — Дем., 6, 204 и 206), равно как и в мощном или сильном (δαινός, genus vehemens — Дем., 7 и 241)²⁵. И он хорошо понимает важность пауз и стоящих перед ними колонов, в особенности для величественного стиля: «В сложных периодах завершающий колон должен быть длиннее прочих — он как бы обнимает и вмещает в себя остальные: период, заканчивающийся торжественным длинным колоном, и сам будет величественным и торжественным. В противном случае он покажется обрубленным и как бы хромым» (Дем., 18); «... Частые паузы, следующие после коротких колонов, умаляют величественность (δαινότης) речи, пусть даже будут высоки содержащаяся в ней мысль и выражающие ее слова (Дем., 44); «... Растянутые завершения больше тяготеют к величавому стилю» (Дем., 206), ср. прямо противоположные рекомендации для простого (Дем., 206) и мощного стилей (Дем., 241, а также 246); «Периоды в этом стиле должны быть сомкнуты к концу»; «...Мощному стилю подобает уплотненность периодов» (Дем., 251). Отметим, что речь Калгака в «Агриколе» относится к типу δαινός λόγος: длинные завершающие колоны, не должны быть ей свойственны.

Оригинальные наблюдения Деметрия над соотношением стиля речи и длины содержащихся в ней колонов несомненно оказали известное влияние на римских риторов²⁶. В. Джонсон, таким образом, имел все основания широко использовать их в своем любопытном эссе о двух стилях у Цицерона²⁷. Задача американского исследователя была, однако, значительно проще: изучая длину фразы в разные периоды ораторской деятельности своего автора, он брал по 30 предложений из начала сравниваемых им речей и получал при этом очень эффективные результаты, ср. Cat. 1: 431 слово, в среднем 14,3 и Cat. 3: соответственно 864 и 28,8

²¹ См. *Robins R. H. A Short History of Linguistics. L., 1967, p. 33, 56*; История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980, с. 216. Окончательно утверждается как термин лишь к XVIII в., см. *Charpin F. L'idée de phrase grammaticale et son expression en latin. Thèse. P., 1977, p. 604*.

²² О Деметрии, чей трактат датируется некоторыми исследователями III в. до н. э., см. *Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М., 1979, с. 445—452*. Цитаты приводятся в переводе О. В. Смыки и Н. А. Старостиной по изд.: *Античные риторики. Собрание текстов, статьи, комментарии и общая редакция проф. А. А. Тахо-Годи. М., 1978*.

²³ Любопытно, что эта античная риторическая терминология и по сей день сохраняется в английских названиях знаков препинания, ср. англ. period — точка, colon — двоеточие, semicolon, т. е. буквально полуколон — точка с запятой, comma — запятая (ср. исп. coma).

²⁴ Дем. 204: μεγαλοπρεπές γὰρ πᾶν μῆκος (цит. по: *Demetrii Phalerii qui dicitur de elocutione libellus. Rec. L. Rademacher, Lipsiae, 1902*). В русском переводе здесь явная опечатка: «...так как любимые (читай «любые»). — А. Ч.) длинноты напоминают о величавом стиле». Ср. еще Дем., 5 и 44.

²⁵ «В соединении слов этот стиль проявляет себя прежде всего в том, что вместо колонов в нем коммы, ведь длинноты губят напряженность» (Дем., 241). Далее в русском переводе досадный пропуск: Дем., 241: τὸ γὰρ μῆκος ἐκλύει τὴν σφοδρότητα τὸ γὰρ ἐν ὀλίγῳ πολὺ ἐμφανόμενον ὑπὲρ τὸν ἴσχυρον «ведь длинноты губят напряженность; напротив, многое, являемое в немногом, более мощно».

²⁶ *Cic., de or. III, 186*; aut paria debent esse posteriora superioribus et extrema primis aut, quod etiam est melius et iucundius, longiora; *Quint., Inst. or. IX, 4, 125*: membrum longius iusto tardum, brevius instabile est; *ibid. IX, 4, 128*: periodos... poscitur tum austeri, si accusas, tum fusa, si laudes; и критически о стиле Сенеки Младшего: *ibid., X, 1, 130*: si rerum pondera minutissimis sententiis non fregisset.

²⁷ См. *Johnson W. R. Luxuriance and Economy. Cicero and the Alien Style. Berkeley, Univ. of California Press, 1971, p. 72*.

(первая речь, как известно, экспромт, третья — торжественное обращение к народу с призывом о поддержке и с использованием религиозных мотивов²⁸) или средняя длина фразы по периодам: I (81—66 гг. до н.э.) — 23,5; II (65—59 гг.)—22,6; III (57—52 гг.) — 25,9 и IV (46—43 гг.)—18,7²⁹, что тем не менее не избавило его от упреков критиков, не симпатизировавших замене античных элементов речи, колона и слога, современными — словом и предложением³⁰. Подсчеты предложений-концовок будут, таким образом, далеко не бесспорными: ведь Деметрий в своем трактате говорит лишь о длине колонов и периодов, а совсем не о структуре параграфов и глав! Практически, однако, сравнение длины концовок в парных речах у греческих и римских историков оказывается бесполезным делом: анализ нижеследующих пяти таблиц приводит к любопытным результатам.

Фукидид и Геродот (таблица 1)

Первая неожиданность: у Геродота нет парных речей полководцев, хотя вожди воюющих сторон неоднократно произносят речи³¹. Поэтому трем словесным дуэлям военных у Фукидида³² противопоставляются несколько совещательных, посольских и прочих речей, в которых агональный дух, стремление, убеждая, победить выражены наиболее отчетливо:

№ п/п	Автор и сюжет	Номер книги и главы	Имя говорящего	Число слов в речи	Число предложений	Средняя длина предложения	Число слов в концовке
I	Herodotus Совет персов	III 80	Отан	217	11	19,6	16
		81	Мегабиз	113	4	28,2	34
		82	Дарий	233	8	29,1	23
II	Поход персов в Скифию	IV 126	Дарий	54	2	27	43
		127	Идаифирс	152	6	26,3	26
III	Переговоры скифов с греками	IV 118	скифы	142	9	15,8	16
		119	греки	111	5	22,2	22
		136	скифы	51	2	25,5	36
		139	греки	63	4	15,8	24
IV	Эллинские послы в Сиракузах	VII 157	послы	166	6	27,7	17
		158	Гелон	157	6	26,1	30
V	Александр в Афинах	VIII 140	Александр	294	16	18,4	21
		142	послы спартанцев	170	7	4,3	30
VI	Платей	IX 26	тегейцы	264	10	26,4	13
		27	афиныяне	274	11	25	4
VII	Thucydides Навпакт	II 87—88	Кнем и Брасид (Спарта)	235	9	26,1	33
		89—90	Форлон (Афины)	368	16	23	12
VIII	Деллий	IV 92—93	Пагонд (Фивы)	403	12	33,6	70
		95—96	Гишократ (Афины)	93	4	23,2	28
IX	Сиракузы	VII 61—65	Пагонд (Афины)	500	14	35,7	63
		66—69	Гиличи (Спарта)	430	12	35,8	14

²⁸ См. Kennedy G. The Art of Rhetoric in the Roman World (300 B. C.— A. D. 300). Princeton, 1972, p. 173 ff.

²⁹ См. Johnson. Luxuriance and Economic, p. 67, tabl. 1; p. 68, tabl. 2.

³⁰ См. Heibges U.— In: AJPh, v. 95, 1974, N 1, p. 75—77; Clarke M. L.— In: Greece and Rome, v. 19, 1972, № 1, p. 100; Winterbottom M.— In: Classical Review, v. 24, 1974, № 1, p. 70—71.

³¹ См. Hocht P. The Interrelation of Speech and Action in the Histories of Herodotus. Helsinki, 1976, p. 10. Для I—VII книги я использовал список парных речей, составленный покойным А. И. Доватуром. Подсчеты произведены по изданию: Herodoti Historiarum libri IX. Cur. H. R. Dietsch. Lipsiae, 1869.

³² См. Luschnat O. Die Feldherrnreden im Geschichtswerk des Thucydides. Lpz, 1942 (Philologus, Suppl. 34, 2); idem.— RE, Suppl. XII, 1970, Sp. Было использовано следующее издание: Thucydides. Historiae. Rec. C. Hude. B. I—II. Lipsiae, 1898—1901.

Общая для всех приведенных здесь парных речей закономерность — говорящий последним побеждает: в сражении ли, как у Фукидида, или в конфликте, вызывающем дискуссию, как во всех прочих случаях. У Геродота в большинстве случаев одерживающий верх получает и более длинную концовку, например, в III, V и VI. В VII предпоследняя фраза содержит 31 слово, и она-то и является подлинной концовкой, так как следующий за ней колон есть не что иное, как неожиданный и эффектный реверанс в сторону спартанцев. В II ответ Иданфирса в целом намного мощнее, чем короткое письмо Дария, и такое же соотношение в I между речью Дария и Мегабиза. Но в IV скифы явно преобладают, и создается впечатление, что сам автор не уверен, поступили ли греки правильно, не разрушив моста. Напротив, у Фукидида, а в IX и X и сами речи победителей выглядят количественно слабее, и нельзя в связи с этим не вспомнить, что уже древние, сравнивая речи обоих историков, отдавали предпочтение Геродоту, хотя и по несколько другим критериям (ясность, уместность и т. д., ср. Dion. Hal., Ad Pomp. III, 20 (777); De Thuc. 36 ss.)³³.

*Полибий, Ливий и Саллюстий*³⁴ (таблица 2)

№ п/п	Автор и сюжет	Номер книги и главы	Имя говорящего	Число слов в речи	Число предположений	Средняя длина предложения	Число слов в концовке
I	Polybius Тицидум	III 63,2—14 34,3—11	Ганнибал	276	11	25	33
			Сципион Старший	207	4	52	46
II	Канны	III 108,4—13 111,3—11	Эмилий Павел	404	14	28,9	38
			Ганнибал	188	6	31,3	16
III	Зама	IV 6,4—8 6,8—9	Ганнибал	337	9	37,4	17
			Сципион Африканский	253	12	21	19
IV	Livius Тицидум	XXI 40—41 43—44	Сципион Старший	718	21	34,2	29,55
			Ганнибал	644	34	19,2	12(20),25
V	Зама	XXX 30 31	Ганнибал	742	32	23,2	32
			Сципион Африканский	239	6	39,5	40
VI	Sallustius Заговор Катилины	58 59,5—6	Катилина	758	19 резюме	18,8	13,14,26
			Петрей				

Сочинения греческих историков IV—III вв. до н. э. сохранились лишь в незначительных фрагментах и переработках более поздних авторов, но достоверно известно, что речам, как подлинным, так и вымышленным, обращенным к народу, посольским, произнесенным перед битвой и т. д., уделялось не меньше внимания, чем у великих предшественников. Историограф Александра, племянник Аристотеля Каллисфен выдвигает принцип характеристики, т. е. соответствия речи лицу и обстоятельствам³⁵, и эта же общая для всего эллинизма тенденция к индивидуализации одновременно проявляется в драматургии (Менандр), риторике (биографии Исократ, а еще ранее Ксенофонт), живописи и скульптуре (эллинистический портрет)³⁶. Но как это опять-таки свойственно эллинизму, увлечение по-

³³ См. Walbank F. W. *Speeches in Greek Historians*. Oxf., 1965 (Myre's memoria lecture), p. 18—19.

³⁴ Цит. по: Polybii historiarum reliquiae. Parisiis: A. Firmin Didot, 1852; C. Sallusti Crispi Catilina, Iugurta, fragmenta ampliora. Ed. A. Kurfess. Lipsiae, 1968.

³⁵ См. FGH (Jacoby) 124 F 44; Walbank. *Speeches in Greek Historians*, p. 5.

³⁶ См. Тарн В. Эллинистическая цивилизация. Пер. С. А. Лясковского. М., 1949, с. 286 сл.

выми веяниями нередко выходило за разумные пределы. Так, Плутарх критикует Феопомпа, Эфора и Анаксимена за неумеренное пристрастие к полководческим речам ³⁷, и живший во II в. до н. э. Полибий с неодобрением говорит о риторизме речей Тимея, а в своей собственной практике, не имея возможности отличить вымысел от действительно произнесенных слов, часто довольствуется суммарным пересказом ораторики источников ³⁸. Поэтому при сопоставлении парных речей Полибия и Ливия очень существенно, в какой мере предшественники первого, например историк Пунических войн Фабий Пиктор, были известны последнему. Вот здесь и помогают подсчеты. Сохраненная Полибием часть речи Сципиона Старшего при Тицине выдержана в том же тяжелом стиле, с длиннейшими предложениями, как и у Ливия, и потому предположение П. Уолша ³⁹, что Ливий значительно переработал и расширил полибиевскую версию, выглядит не очень справедливым: скорее оба историка опираются здесь на Фабия ⁴⁰. Вклад самого Ливия сводится, по-видимому, к тому, что он поменял местами речи Ганнибала и проигравшего сражение Сципиона (прежняя последовательность восходит к Полибию или к Фабию Пиктору?); выбросил аналогичную полководческую дуэль при Каннах и заметно утяжелил ответ Сципиона Младшего при Заме, стилизовав его под речь отца. Пример из Саллюстия показывает, что уже в первом своем произведении этот оригинальный писатель стремился избежать давно ставшего избитым приема эллинистической историографии или как-то его разнообразить ⁴¹.

Еще раз Фукидид, Саллюстий, Полибий и Ливий (таблица 3)

№ п/п	Автор	Номер книги и главы	Имя говорящего	Число слов в речи	Число предложений	Средняя длина предложения	Число слов в концовке
I	Thuc.	III 37—41 42	Клеон Диодот	1079	31	31,6	140, 32, 13 ⁴²
				1235	42	29,4	38, 37, 27
II	Polyb.	IX 28—31 32—39	Хлайней Люкск	900	35	25,7	21, 28, 21, 42
				1898	90	21	51, 7, 5, 31, 23, 35, 29, 23
III	Sall. (Coni. Cat.)	IX 51 52	Цезарь Катон	1028	58	17,7	24, 20, 16 16, 23, 41
				846	41	26,3	15, 30, 20, 26, 25, 48
IV	Liv.	XXVIII 40, 3—43 43, 2—45	Фабий Максим Сципион Африканский	1401	51	27,5	14, 28, 32
				1079	35	30,8	41, 36
V	Liv.	XXXI 29 31	Македонские послы Фурий Пурпурион	352	14	25,1	11
				511	21	24,3	34
VI	Liv.	XXXVII 53—54 54, 4—55	Эвмен Родосские послы	735	26	28,2	19
				635	27	23,5	19
VII	Polyb.	22, 2—4 22, 5—6	Эвмен Родосские послы	778	27	28,8	38, 26, 20
				495	22	22,5	56, 53

Здесь рассматривается несколько пар совещательных (I, III и IV) и посольских (II, V, VI) речей у греческих и римских историков, где

³⁷ См. *Plut.*, Praecept. ger. reip. 803 b.

³⁸ См. *Walbank. Speeches in Greek Historians*, p. 7.

³⁹ См. *Walsh P. Livy. Cambr.*, 1961, p. 223, 232 f.

⁴⁰ См. *Walbank F. W. A Historical Commentary on Polybius. V. I. Oxf.*, 1957, p. 28, 397 (к III 62—4); 442 (к III 108,2); *idem. Speeches in Greek Historians*, 12. О Фабии см. *Badian E. The Early Historians.*— In: *Dorey T. A. (ed.) Latin Historians*, L., 1966, p. 2—10.

⁴¹ Cp. *Büchner K. Sallust.*— In: *Sallust. Hrs. v. V. Pöschl. Darmstadt*, 1970 (WdF, 94), S. 326, 360, 377; *Syme R. Sallust. Oxf.*, 1964, p. 51, 244.

⁴² Здесь и далее ввиду больших размеров речи издатели вводят абзацы, что и отражено в таблице.

агональный момент выражен достаточно отчетливо. У Фукидида афинянин Диодот в споре о судьбе Митилены одерживает верх над Клеоном как общими размерами речи, так и длиной концовок. У Полибия речь акарнянина Люкиска имеет фактически две завершающие фразы (ср. диалог тегейцев и афинян у Геродота, см. выше): первая (51 слово) оказалась безрезультатной (как известно, оратору не удалось присоединить Спарту к антиримской коалиции), но вторая (23), которой он удерживает лакедемонян от союза с этолийцами (Хлайней) и Римом, имела успех⁴³, так как спартанцы сохранили нейтралитет. В III, IV и V решают более мощные концовки (любопытно IV, где молодой Сципион одолевает престарелого Кунктатора), а в VI мы наблюдаем редчайший случай — «ничью», ибо сенат в конце концов решает конфликт компромиссом. Сравнение с источником (VII) показывает, что Ливий намеренно выровнял концовки обеих речей: Полибий явно склонялся на сторону родосцев. Выдающееся мастерство Ливия в составлении речей было, как известно, высоко оценено уже в древности⁴⁴.

Парные речи у Лукана⁴⁵ (таблица 4)

№ п/п	Автор	Номер книги и главы	Имя говорящего	Число слов в речи	Число предложений	Средняя длина предложения	Число слов в концовке
I	Лус.	III 123—133	Метелл	71	6	11,9	10
		134—140	Цезарь	45	4	11,2	19
		145—152	Котта	53	5	10,6	9
II	»	V 739—759	Помпей	133	8	16,6	19
		761—790	Корнелия	190	15	12,7	23
III	»	VII 68—85	Цицерон	113	10	11,3	9
		87—123	Помпей	240	20	12	12
		250—329	Цезарь	524	33	15,9	11
IV	»	VIII 262—327	Помпей	430	25	17,2	37 ⁴⁶ , 13
		331—453	Лентул	800	51	15,8	22
V	»	IX 227—251	помпеянец	168	10	16,8	14
		256—283	Катон	187	15	12,5	13
VI	»	IX 550—563	Лабиец	86	5	17,2	17
		566—584	Катон	130	12	16,8	9

Современники относили поэму Лукана скорее к жанру истории, отдавая при этом должное его ораторскому искусству⁴⁷. Приведенная здесь таблица показывает его умение варьировать историографические штампы: пожалуй, только IV, где на совете помпеянцев после поражения консул отговаривает своего вождя от намерения обратиться за помощью к парфянам, может рассматриваться как пример традиционной антилогии. В I вместо пары триада: Котта утешает сокрушенного Метелла. Драматическое прощание Помпея с женой (II) восходит к эпосу (Гектор и Андромаха) или к трагедии, а в сцене непосредственно перед битвой слова

⁴³ Общую характеристику этих двух речей можно найти в статье: Wooten C. The Speeches in Polybius. — *AJPh*, v. 95, 1974, № 3, p. 239 f.

⁴⁴ Ср. похвалу Квинтилиана (*Quint.*, X, 1, 101): in contionibus supra quam enarrari potest eloquentem: ita quae dicuntur omnia cum rebus, tum personis accommodata sunt; *Walsh*. *Livy*, ch. IX.

⁴⁵ Цитируем по изданию: *Lucian*. *La guerre civile*. Texte ed. par A. Bourguery. P., 1927. Осталась мне недоступной монография: *Tasler W*. *Die Reden in Lucanas Pharsalia*. Diss. Erlangen, 1971.

⁴⁶ В издании А. Буржери за этим предположением следует абзац.

⁴⁷ См. *Serv.*, *Aen*. I, 382: *Lucanus... videtur historiam composuisse, non poema; Mart.*, XIV, 194: *Sunt quidam, qui me dicant non esse poetam: Sed qui me vendit bybliopola putat; Quint.*, X, 1, 90 *Lucanus ardens et concitatus et sententiis clarissimus... magis oratoribus quam poetis imitandus, cf. Albrecht M*. *Lucan und die epische Tradition*. — In: *Lucain*, Genève, 1968 (Entretiens Hardt, XV), p. 269.

Помпея (III) обращены к сенату, опрометчиво требующему сражения, а не к солдатам, как речь Цезаря, так что полководческой дуэли здесь нет. Примечательны сравнительно слабые концовки обеих речей Катона (V и VI): у Саллюстия (см. выше, табл. 3) он говорит более спокойно и внушительно. Налет какого-то истерического отчаяния виден и в его обращении к спутникам перед маршем через пустыню (IX, 379—406). Любопытно было бы изучить в этом плане Валерия Флакка, Стация и Силия Италика. Явно злоупотребляет риторикой Клавдиан (род. около 375 г.): в неоконченной поэме *de bello Gildonico*, где прославляется победа Стилихона над варварами, из 526 гекзаметров 460 приходится на речи ⁴⁸.

В «Энеиде» Вергилия антилогии не встречаются ⁴⁹.

Подведем некоторые итоги. Приведенные здесь четыре таблицы охватывают, хотя и далеко не исчерпывающим образом, период от V в. до н. э. до I в. н.э. За эти шесть столетий жанр парных исторических речей проходит полный круг своего развития, от зарождения у Геродота и Фукидида (табл. 1) до упадка в эпике Лукана (табл. 4). Его расцвет приходится на эллинистическую историографию, насколько можно судить по косвенным свидетельствам и по трактату Деметрия, где впервые выдвигается идея соотношения стиля речи и длины колонов, в особенности завершающих колонов. По-видимому, именно в этот период порядок речей и длина концовок получают окончательную фиксацию. Затем Фабий Пиктор создает первые образцы тяжеловесной речи римлянина, а полтора столетиями позже Ливий доводит антилогию до пределов возможного совершенства (табл. 2 и 3). На рубеже нашей эры полководческие речи считались неотъемлемой принадлежностью любого исторического сочинения ⁵⁰, но вскоре они выходят из моды, как уже у Саллюстия. При жизни Сенеки Младшего, за поколение до Тацита, традиционные парные речи становятся добычей декламаторов ⁵¹.

Парные и некоторые другие речи у Тацита⁵² (таблица 5)

№ п/п	Автор и сочинение	Номер книги и главы	Имя говорящего	Число слов в речи	Число предл.-жений	Средняя длина предл.-жений	Число слов в концовке
I	Tac., Hist.	I, 15—16	Гальба	480	16	30	31, 58
		I, 29, 2—30	Пизон	288	15	19, 2	24
		I, 37—38, 3	Отон	350	17	20, 6	12, 13
II	Hist.	I, 83, 2—85	Отон	396	21	19	22, 35
		II, 47—48	Отон	154	12	12, 8	19
III	Hist.	IV, 64 65	Тенктеры	160	5	32	14
			жители Colonia Agrippina	88	5	17, 4	9
IV	TILS, 212 Tac., Ann.	XI, 24—25	Клавдий	652	26	25	47, 30. 11, 18. 53 ⁵³
			Клавдий	261	13	20	32
V	Hist.	IV, 73—75	Цериал	350	14	25	46, 51
VI	Ann.	XIV, 53, 2—55 55—56, 3	Сенека	292	16	18, 4	9, 14
			Нерон	245	11	22, 2	18, 20

⁴⁸ См. *Hirsch W.* Strukturwandel im lateinischen Epos des 4—6 Jhs.— *Philologus*, 1979, B. 123, H. 1, S. 40.

⁴⁹ См. *Lundström S.* Acht Reden in der Aeneis. Uppsala, 1977 (*Studia latina Upsaliensia*, X). В этой связи известная фраза Э. Нордена о влиянии, оказанном на Вергилия патетическим драматизмом эллинистической историографии (*Norden E.* *Die römische Literatur*. 5 Aufl. Lpz, 1954, S. 62), требует некоторых уточнений.

⁵⁰ См. *Hor.*, *carm.* II, 1, 21—22: *audire magnos iam videor duces, non indecoro pulvere sordidos* (ода известному историку Азинию Поллиону).

⁵¹ См. *Sen.*, *ep.* 82, 20: *in aciem educturus exercitum... quomodo exhortabitur?*; *Quint.*, *Inst. or.* II, 16, 6; *Tac.*, *Ann.* IV, 33: *neque refert cuiusquam, Punicas Romanasve*

Первые три речи принадлежат трем претендентам на трон, достигшим высшей власти и погибшим в злополучном 69 году; не будучи взаимосвязанными, они помещены рядом и хорошо передают индивидуальность говорящих. В обращении Гальбы к усыновляемому им Пизону заметны стариковские *gravitas*: и *tarditas*: оно открывается фразой в 84 слова⁵⁴. Речь Пизона к солдатам охраны при первом известии о мятеже Отона тоже начинается с длинного предложения в 75 слов (здесь нельзя не вспомнить об известном сходстве нравов с приемным отцом, *Hist.* I, 14,2), но затем сравнительно короткие фразы обличают растерянность человека, попавшего в неожиданную и опасную ситуацию. Выступление Отона перед преторианцами своими короткими концовками вполне соответствует образу заискивающего авантюриста, каким представляет его Тацит в начале первой книги; вторая его речь — уже речь полного надежд императора, решительнее и тверже; в третьей царят отчаяние и окончательное намерение умереть. Характерно, что и у Саллюстия речи Катилины, более дерзкого, но менее удачливого (чем Отон) заговорщика, дают похожие показатели:

Автор и сочинение	Номер главы и параграфов	Имя говорящего	Число слов в речи	Число предложений	Средняя длина предложений	Число слов в концовке
Sall. (<i>Coni. Cat.</i>)	20, 2—21, 58—59	Катилина »	372 358	19 19	19,5 18,8	41, 20, 21 13, 14, 26

Единственная антилогия в «Историях» (III) по своим характеристикам, но также и по ситуации — уклончивый ответ на предложение заключить тесный союз — напоминает переговоры скифов с греками у Геродота (см. выше табл. 1). Очень важная в идеологическом плане речь Петилия Церрала интересна и стилистически: римский полководец обращается к представителям только что замиренной Галлии, и автор буквально не жалеет слов для придания его доводам наибольшей убедительности. Следует отметить, что говорит здесь такой же, как Агрикола, *vir militaris*. Перелагая дошедшую до нас почти целиком лионскую речь Клавдия (ILS, 212), Тацит сокращает как общее число фраз, так и их длину, за исключением последней. Сенека и Нерон (VI) оба представляют совсем другую риторическую школу: длинные предложения там не в моде, но император, как и следовало ожидать, выглядит, несмотря на молодость, солиднее.

acies laetius extuleris. Любопытно, что и у Курция Руфа (I в. н. э.) единственная антилогия: речи Александра и Дария перед битвой при Арбеле (IV, 14) построены нетрадиционно, так как речь победителя поставлена первой и к тому же дана в пересказе (в косвенной речи).

⁵² P. Cornelii Taciti *historiarum libri*. Ed. Koestermann E. Lipsiae, 1969; *Ab Excessu divi Augusti. Tertium* ed. Koestermann E. Lipsiae, 1971. О печатках см. *Syme R. Tacitus*. V. II. Oxf., 1958, индекс s. v. *Speeches*, p. 849.

⁵³ Надпись действительно содержит абзацы, ср. выше прим. 18.

⁵⁴ В этом плане подозрительна, как мне кажется, традиционная интерпункция в *Hist.* I, 16, 2—3: *sit ante oculos Nero, quem longa Caesarum serie tumentem non Vindex cum inermi provincia aut ego cum una legione, sed sua immanitas, sua luxuria cervicibus publicis depulerunt; neque erat adhuc damnati principis exemplum. nos bello et ab aestimantibus adsciti cum invidia quamvis egregii erimus*. Как нетрудно убедиться, перед нами типичный *asyndeton adversativum*, ср. рассматриваемую здесь фразу из «Агриколы» с аналогичным противопоставлением *Briganti...: nos etc.* (см. выше). Следует поэтому перед *nos* поставить двоеточие, а перед *neque* — запятую. Возникшее таким образом предложение будет содержать 44 слова, что для Гальбы не так уж много, а длина предложения в среднем поднимется до 32 слов.

Мы рассмотрели здесь далеко не все имеющиеся у Тацита речи, по и приведенного достаточно, чтобы показать высокое мастерство великого римского историка в создании индивидуальных образов своих персонажей: императоров и претендентов, полководцев и министров, варваров и провинциалов. Характерно отсутствие парных речей традиционного типа: не случайно единственное исключение — антилогия из «Агриколы» — появляется, как и у Саллюстия⁵⁵, в раннем произведении (к тому же посвященном памяти тестя)⁵⁶. Как, по-видимому, нередко бывает, когда выдающийся писатель вдруг обращается к немолодому и несколько дискредитированному жанру, Тацит достигает в ней редкого совершенства формы, причем особенно удалась ему речь Калгака. Знаменитый Юст Липсий (1547—1606) считал ее лучшим образцом римского ораторского искусства⁵⁷. Мы вправе, стало быть, ожидать, что, как и полагается в речах типа *genus vehemens*, ее концовки, т. е. завершающие колонны/предложения, будут в соответствии с предписаниями Деметрия и практикой античных историков сравнительно небольшими, и потому предполагать перед *laturi* в конце гл. 31 весьма значительную лауну. Заполнение ее остается, разумеется, проблематичным.

В предлагаемых здесь таблицах и комментариях к ним рассмотрены, разумеется, отнюдь не все парные речи, содержащиеся в трудах античных историков (например, отсутствует Аммиан Марцеллин, не говоря уже о греках: Диодоре, Дионе Кассии, Аппиане и т. д.). Их исследование, стало быть, можно и нужно продолжить, но уже сейчас ясно, что в целом этот жанр, стоящий где-то посредине между историографией и риторикой, оказался практически не изученным⁵⁸. Трудно утверждать, сможет ли когда-нибудь *pondus orationis*, т. е. величина конечных фраз, претендовать на равное место с клаузулами при характеристике речи или определении, скажем, конца главы, но несомненно, что дальнейшее продвижение в этом направлении обещает еще немало нового и неожиданного.

А. Б. Черняк

THE LENGTH OF CONCLUDING SENTENCES IN THE PAIRED SPEECHES OF TACITUS (*AGRICOLA* 31. 3—4)

A. B. Cherniak

In *Agr.* 31.3—4 after *paenitentiam* a lacuna of considerable size must be presumed, involving the end of a periodic sentence and the beginning of the next phrase. The author suggests the restoration: *non in paenitentiam [accincti unius proelii casum patiemur? immo adversam potius fortunam quam ignominiam] laturi primo etc.*, which is based on similar examples of *asyndeton adversativum* in Sallust (*Iug.* 31.11, 17; in *Cat.* 20.8 *quae*

⁵⁵ Ср. речи Цезаря и Катона в «Заговоре Катилины», см. выше, табл. 3.

⁵⁶ Вряд ли речь Цивилиса, на которой обрывается пятая книга «Историй», имела в pendant себе ответ Цериала, удостоенного великолепной речи в предыдущей книге.

⁵⁷ См. С. Cornelii Taciti opera quae extant. I. Lipsius quintum recensuit. Lugduni Batavorum, 1590, p. 566 (к 31, 2 *nata servituti etc.*): «Egregium vero membrum (т. е. колон.— А. Ч.) et qualia multa in pulcherrimo corpore huius orationis, qua, moriar, si quid meo sensu prudentius disertius, argutius est in omni Romana lingua».

⁵⁸ Причина здесь в том, что греческие критики не обращали внимания на римских историков. Так, Лукиан, живший уже после Тацита, рассуждая о речах, фактически повторяет Каллисфена, о котором см. выше (*Lucian.* *Wie man Geschichte schreiben soll.* Hrs., übers. und erl. von H. Homeyer. München, 1965, cap. 58, S. 275—277). См. еще: Grube G. M. A. *Greek Historians and Greek Critics.*— Phoenix, 1974, v. 28, № 1, p. 73—80.

should be preceded by a comma, not a full stop) and Cicero, and also on certain regularities appearing in the length of phrases at the ends of whole speeches, or of their subsections, in the paired speeches presented by the Greek and Roman historians (Tables I—IV). According to the author's calculations it follows that ancient historians, beginning with Herodotus, used paired speeches in artistic reflection of the real *agōn*: the winners (military or political leaders) speak last and their speeches seem more impressive than the usually stylized δεινὸς λόγος of their opponents, in respect both to the average length of the sentence/colon and to the size of the closing phrases. In Roman historiography this device was perfected by Livy, who created vigorous models of paired speeches (Scipio the Elder and Hannibal at the river Ticinus, Hannibal and Scipio the Younger at Zama). In the 1st century A. D. paired speeches were going out of fashion, but in the *Agricola* Tacitus, who was superbly skilled in the techniques of characterisation by means of speeches (Table V), builds a splendid memorial to the departing genre. And so we should not expect longer concluding sentences in the speech of Calgacus than in the speech of his conqueror.
